

Лилит Трокс

Плач Гекаты

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лилит Трокс

Плач Гекаты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50981059

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07693-8

Аннотация

"Плач Гекаты" – это вам не фанфик про вампиров. Это неопишимо восхитительная в своей дикости, аморальности и жестокости книга. Адская история о бледном юноше с горящим взглядом темного практика, его страсти, его безумии, его одержимости и падении. (Мика Эллен.) Содержит нецензурную брань.

...Я был полон решимости ее убить, мне было все равно, задушить ее, перерезать горло или отравить, только бы посмотреть на это тело, бьющееся в предсмертных конвульсиях и отсчитывающее последние секунды жизни перед вхождением в Ад...

Дверь распахнулась, в проеме показалась хорошо знакомая мне физиономия брата. Я еле успел спрятать свое творение под подушку. Не обращая внимания на своего родственника, я стал смотреть в потолок, показывая всем своим существом, что вот-вот мне откроются все тайны мира. Но не так-то легко было избавиться от пронырливого братишки. Тот прошмыгнул в комнату и, усевшись на стуле, деловито сложил руки на груди.

– Дани, можешь ничего от меня не скрывать, я твой брат и сотни раз читал твои излияния. Ты так красочно описал, какие чувства испытываешь к своей...

– Заткнись сейчас же! – сорвался я на крик, хотя до последнего хотел игнорировать Антона.

Тот от неожиданности подпрыгнул, ибо мои глаза налитые кровью не предвещали ничего хорошего. Не раз я его бил так, что оставались синяки и шрамы, потом, правда, подкупал его деньгами своего родного отца, который оставил меня с матерью десять лет назад и уехал в другой город. Отец брата, за которого мать вышла замуж в надежде на помощь,

оказался ни на что ни годным пьяницей. Антон, должно быть любил меня как родного брата, но, кроме денежных подачек, не чувствовал никакого ответного чувства. Моя черствость стала проявляться не только по отношению к семье, но и по отношению к моим ровесникам. И только потом все стало меняться. Я помню, когда это началось. Причиной была она...

Но я был тогда совсем другим...

Я жил настоящим, не будущим не прошлым, только настоящим, Она всегда была рядом...

Хруст...

Сапоги вонзаются в снег, ломая хрупкую корочку наста и оставляя следы...

Далее идут две тонкие ноги, одетые в черные чулки-сетку, пальто, на фоне которого отчетливо бросаются в глаза поси-невшие от холода руки и мертвенно бледное лицо, это все, что сразу обращало на себя взгляд...

Стоя с ней, ощущаю холод, который пронизывает меня насквозь и не шепчет ничего, кроме страшного слова «одиночество»...

Когда-то все было по-другому, и на эти заснеженные холмы я смотрел по-другому, потому что в моей руке была ее рука. Я чувствовал ее потребность во мне...

Ничего вокруг не было более важным, чем эти отношения, вся красота вокруг была лишь достойной оправой для

драгоценного камня...

Темнеть она начала, когда потемнел сам «камень»...

Я сам не уловил того момента, когда все стало меняться, это как почва уходит из ног, а ты не можешь найти причину действию, которое стремится сменить себя обреченностью на вечные муки...

Я замираю...

Мне кажется, что она желает мне что-то сказать, но она лишь тяжело вздыхает и продолжает это гнетущее молчание... Я беру ее руку в свою и начинаю яростно тереть, пытаюсь хоть немного согреть ее. Она мягко высвобождается, мне кажется даже, с каким-то пренебрежением...

Опять опущенные глаза, чтобы я не угадал ее настроение...

Мне просто стало больно молчать...

– Что мне сделать?

Молчание.

– Я спрашиваю, что мне сделать?!

Мой голос уже почти срывается на крик, я смотрю на нее...

Раньше она любила издеваться надо мной, она так же опускала глаза, а потом, изрядно понервничав, я начинал различать ее хитрую улыбку, она просто провоцировала меня...

– Ты намерена терзать меня?

Опять смотрю на нее, никакой улыбки...

– Хочешь моей смерти?

Тут я вижу слегка заметные покачивания головой...

Облегченно вздохнув, я понимаю, что она настроена на продолжение диалога, как и то, что давление на нее нужно прекратить, иначе она закроется в себе, перевожу разговор на более безобидную тему.

– Помнишь это место раньше? Помнишь, как по любому случаю, мы прибегали сюда?

Она улыбается...

О, Боже Всемогуший, когда я вижу это, я снова и снова начинаю верить в тебя!

В ее глазах снова мелькают искры озорства.

– У меня всплыл в памяти один день, когда ты пришел сюда сердитым на меня.

Я перебираю в памяти моменты своей жизни и не могу вспомнить тот миг, когда был зол на нее.

Тогда она помогает мне освежить память.

– Когда ты пришел тогда, у тебя все руки были в крови, и твое сердце колотилось так быстро, что ты не мог даже говорить...

– Мои руки в крови...

Я начинаю вспоминать, нет, я всегда это помнил! Но как же она была не права, не было никакой злости, даже настроение не успело испортиться. Память имеет над нами большую власть, и я начинаю ощущать, как она быстро захватывает меня и переносит в тот день, когда это случилось...

Она была моей соседкой по лестничной площадке...

Ее красота только начинала проявляться, из дикого утенка она превращалась в прекрасного лебедя, я приходил к ней в гости, как всегда, придумывая пустячный повод, раздувая его насколько можно, чтобы побыть с ней дольше. Тогда я пришел к ней, чтобы спросить, какими красками мне лучше рисовать египетского демона Аммита...

– Смотри.

Она указывает на мое скромное творение шариковой ручкой на тетрадном листе в клетку. Я не смотрю туда, я смотрю на ее руку. То рука Богини, спустившейся, дабы подарить простому смертному осознание своей надобности, если сама Царица приложила свой перст к моему скромному искусству, значит, это того стоило...

– Ты меня слушаешь?

Она чуть укоризненно смотрит на меня, я с трудом сглаживаю и киваю, честнее сказать, даже трясусь безумно головой. Как я могу не слушать, просто само время сворачивается, когда я вижу ее и делает мое осознание вещей и действий очень затруднительным.

Она усаживает меня на мягкий диван и угощает кофе. Пока ураган чувств раздирает мое бедное естество, она скромно садится рядом, так по-детски непорочно поджигает под себя ногу, а другой начинает выводить понятные одной ей

знаки.

– Что ты думаешь о своем творчестве?

Не скажу, что мне нравится вопрос. Нет, в этом вопросе нет ничего оскорбительного, если бы мне его задал мой брат или одноклассник, но его задала Она. Она никогда ничего не спрашивала просто так, всегда над ее словами витала подоплека. Как ненормальный я открываю рот, не в силах произнести ни слова.

– Тебе-то самому оно не кажется бессмысленным, выдутым из пальца?

Я начинаю судорожно копаться в своем сознании, пытаюсь не опустить себя, оправдать, как будто бы от этого зависит мое существование.

– Ты имеешь в виду мои рисунки или рассказ?

Она удивленно поднимает брови.

– Рассказ?

Я начинаю осознать, что спрашиваю бессмыслицу, как ей может не нравиться мой рассказ, если я даже не говорил ей о нем?

– Ааа, не бери в голову, пустозвонство и графомания.

– Однако я не понимаю, почему тебе не нравятся мои рисунки, я выкладываю душу...

– Всего лишь одному человеку не нравится твое творчество, мне, это не так уж и много.

Снова успокаивает она меня.

Подумать только – всего одному человеку! Да для меня

этот человек дороже всего человечества, только для него я творю, тайно мечтая, что мои труды будут по достоинству оценены...

Мной овладевает какой-то порыв, и я рву у нее на глазах свои работы. Думаю о том, что сейчас она кинется помешать мне, но нет, она сидит так же тихо, сложив свои изящные ножки у самой спинки дивана и, кажется, даже лукаво улыбается.

Дальше я ухожу, и тянется череда бессмысленных дней без нее. Я иду на занятия в школу, прихожу домой, штудирую литературу, дабы закончить на отлично одиннадцатый класс. Все это время голова полнится мыслями о ней...

Очень хочется сделать пару шагов по лестничной площадке, постучать в обитую синим дерматином дверь и увидеть ее глаза, но я даю себе зарок не разговаривать с ней первым. Я владею множеством недостатков, но слово всегда держу, особенно данное самому себе. Умер бы с тоски по ней, но никогда не заговорил бы с ней первым. Но встреча двух людей, живущих на одной лестничной площадке, рано или поздно становится неминуемой. Скажу за себя, было очень неловко, так как я поднимался в свою квартиру с бутылкой подсолнечного масла и булкой хлеба в тонком целлофановом пакете. Поднимаюсь на пятый этаж, вижу ее закрывающей дверь, краснею, а в мыслях ничего нет, кроме того, что у меня в кармане сдача три рубля, пятьдесят копеек...

Она сразу же замечает меня.

– О, какая встреча! А я думала, ты куда-то уехал, слишком долго не заходил.

– А зачем заходить, кому я нужен?

Тихо лепечу я. Она улыбается, точно не помнит, как обидела меня.

– Ну, мне не составило бы труда пообщаться с тобой.

– Но и приятно не было бы.

– Глупый ты...

– Иногда мне так плохо...

– Дани, у тебя период такой...

Она всегда утешала меня. А я всегда думал, что бы было, если бы жизнь сложилась по-другому? Маг не была бы моей сводной сестрой по отцу, и мы смогли бы общаться, как парень с девушкой. Я мог бы смотреть на ее ноги, как смотрит парень на ноги своей девушки, и не отводить смущенно взгляд, когда он нечаянно падал на ее грудь.

Мой отец по жизни не сделал ничего хорошего, кроме того, что произвел на свет Магдалену, только за это он был достоин прощения. В семнадцать лет, когда я впервые познакомился с ней, я успел возненавидеть весь свет, не исключая моего сводного брата. Моя ненависть разжигалась день за днем, я перечитал Сатанинскую библию от корки до корки, моими учителями стали Ла Вей и Алистер Кроули. Отец, покинувший нас, мать, не уделявшая нам должного внима-

ния, занимавшаяся только перебранками со своим вторым мужем, одноклассники, хоть и боявшиеся меня, но все же разводившие за моей спиной сплетни. Сначала я делил мир на хороших и плохих, но когда так называемый друг предал меня, я стал воспринимать мир как большую кучу дерьма, а людей – за роящихся в ней мух, которых даже рукой пришибить и то тошно. Отношение к ней с самого начала я тоже не назвал бы приветливым, но тогда меня можно было понять и, не учитывая моего темного прошлого. Она живет с моим отцом, она тот ребенок, которого он любит. В первую нашу встречу во мне играла ревность, хотя не буду лукавить, сразу обратил внимание на ее глаза...

– Это твоя сестра Магдалена.

Отец думал, что сделал мне большое одолжение, когда приглашал погостить к себе. Тогда он не знал, что у меня не осталось к нему никаких чувств, я поехал к нему только потому, что попросила мать. Она надеялась, что отец поможет с деньгами, в которых мы так нуждались. Я смотрел на незнакомую, очень красивую девочку, которая ни с того, ни с сего, оказывается, стала приходиться мне сестрой, и меня охватывали противоречивые чувства. Злость и ревность, по непонятным причинам, ведь к отцу у меня не осталось никаких чувств и чувство огромной симпатии, с которым вначале я отчаянно сражался.

– Очень приятно, мадемуазель! – процедил я сквозь зубы, давая понять, что ее общество мне неприятно. Но она толи

не поняла намека, толи сделала вид.

– Мадемуазель? Вас так в школе учат разговаривать?

– Да, в Гарварде...

Резко начал я, но отец прервал.

– Иди, посмотри, что я тебе купил.

Но мне, почему-то, было совсем не интересно любоваться на подачки отца, я нагрубил ей, а сам не мог оторвать взгляда от ее лица. На душе сделалось паршиво, захотелось уйти навсегда в тайгу и никого больше не лицезреть.

– Период такой?

Я горько усмехнулся.

– Просто подумал, а что было бы, если бы обстоятельства сложились по-другому, если бы ты не была моей сестрой? Допустим, ты была бы моей соседкой по лестничной площадке, жила бы на пятом этаже.

– Я была бы сестрой кого-нибудь другого, – быстро нашлась она.

– А как же наши отношения?

– Если бы мы познакомились, то думаю, дружили бы.

– Нет, – перебил я ее, – я о другом спрашиваю, как ты думаешь, стали бы мы встречаться?

Никогда ни перед кем я не краснел, а тут смутился, как школьник и проклял себя за свою дерзость. Она молчала, я знал по опыту, что ее молчание может длиться вечность.

– Прости...

Она взяла мою руку в свою.

– Нам ведь и без этого хорошо?

Я кивнул, так как ничего не мог сказать, в горле застрял противный комок горечи...

Да, нам было хорошо, она заставляла меня забывать обо всех окружающих, вдвоем с ней мне казалось, что в мире больше нет никого. Мы могли долго гулять по нашему любимому месту, небольшой рощице, рядом с АТОММАШЕМ и говорить только о нашем мире. Зимой мы строили крепость, летом ездили в поселок Саркел, гуляли по холмам.

Вечером мы любили смотреть на луну.

– Если долго-долго смотреть на луну, в определенную точку, то можно минуя время и пространство попасть туда. Я так делаю, что-то вроде медитаций, – рассуждала она, крепко сжимая мою руку.

Маг прочитала много книг, но не было у нее особенности, свойственной многим людям, цитировать своих любимых авторов или навязывать прочтение своих любимых книг. Она могла долго и просто беседовать с человеком, вызывая у него чувство приязни и даже родства. Все в ней располагало...

Но было одно но, такой она была не всегда, моментами на нее находило какое-то странное, неконтролируемое зло. Нет, она не пыталась никого убить, даже грубить никому не пыталась, просто просыпалось в ее сердце всепоглощающее

равнодушие, которое было хуже всякой ненависти. Для меня это открытие было шоком. Однажды мы разговаривали, ничего не предвещало беды, она попросила принести воды, когда я вернулся с кухни, она уже собиралась домой, не понимая в чем дело, я попытался ее остановить.

– Никуда Вы, мадемуазель, не пойдете!

Я застыл на полуслове, она обдала меня таким ледяным взглядом, что по коже пошли мурашки.

– Мне нужно домой, и не шути со мной больше.

Так я и не понял, чем в тот вечер обидел ее, только впоследствии эти приступы стали появляться с завидным постоянством.

Однажды мы сидели у меня дома, это был пятый ее визит ко мне. Отец, почему-то не сильно одобрял наши встречи, может, замечал, какими глазами я смотрю на нее. Мы немного посмотрели какой-то фильм ужасов, но из-за предсказуемости сюжета он нам быстро наскучил. Сказать по-честному, я не знал о чем мне с ней разговаривать. Мне было приятно в ее обществе, и я каждую секунду боялся, что ей наскучит моя компания, и она уйдет. Мне стоило больших усилий добиться, чтобы мы стали общаться...

Я помню первый звонок к своему отцу, хотя все началось гораздо раньше...

После того как я нагрубил ей, все никак не мог прийти в себя, даже когда мы сели за стол я продолжал, как завороченный смотреть на нее. У нее была замечательная привычка играть с кончиком своих волос. Она водила им по своим идеальной формы губам вправо влево. Я не заметил, как стал вдыхать и выдыхать в такт ее движениям. Я так увлекся, что чуть не задохнулся, когда она в очередной раз вдруг откинула волосы. Все предметы в комнате у меня расплылись, и остался резким только центр, где восседала Маг.

– Ты что-то совсем мало кушаешь, – вернул меня в реальность голос второй жены отца тети Марии.

– Я дома поел, – быстро отговорился я и затем прибавил.

– Сюда приехал, чтобы познакомиться с Вами и своей сводной сестрой.

Не знаю почему, но на слове сестра я запнулся...

Когда мы прощались, Маг стояла у стены и слегка покачивалась, это была вторая милая привычка из множества. Я испытал непреодолимое желание ее обнять, но ноги как будто вросли в пол и не желали меня слушаться. Язык тоже не нашел ничего умнее чем пробормотать...

– Спасибо за гостеприимство.

И лишь когда я уходил за дверь, кинул на нее взгляд, где смешался в единое целый сонм чувств, и она ответила мне точно таким же взглядом, по крайней мере, мой воспаленный рассудок так утешил меня.

На второй день я уже проклинал час нашей встречи, как будто некое помешательство овладело мной, я думал только о ней, будто бы другие функции для моего мозга стали недоступны. Если я сидел на кресле, то представлял, что она сидит рядом. Когда купался, то мне чудилось, что она заходит в ванну. Дошло до того, что смотря какую то рекламу с цветами, я задумался, любит ли она розы...

Я пытался изгнать ее образ, ведь на самом деле не было в нем ничего сверхъестественного на первый взгляд, но он, словно клещ, впился мне в мозг. Я страшно испугался, пытался стучать головой о стену, чтобы прогнать наваждение, за этим занятием застала меня мать.

– Что ты делаешь?

Я прекратил мучить свою голову и сосредоточился на матери, даже радуясь, что могу хоть и ненадолго переключиться на нее. Наверное, мои глаза были настолько безумны и мутны, что она испугалась.

– Я тебе говорила, что книги, которые ты читаешь...

– При чем тут книги?! – сорвался я.

– Ты ни черта про меня не знаешь! Ни черт та!

Я подбежал и захлопнул дверь прямо перед ее носом. Конец моего мирного существования подошел к концу, и я так отчетливо видел пропасть, я стал осознавать, что схожу с ума. Потом, я стал подозревать, что она ведьма, взялся за магию, повторил все старые заклинания, прочитал над собой все заговоры отворотов, и вроде немного помогло, я спокой-

но уснул.

Но на следующий день ад повторился, тем было ужасней, что находился я в школе. Правда, после уроков я выплеснул весь свой гнев на одного гоповатого парнишку, как следует вмазав ему по носу, он давно косился на мои длинные волосы и втихаря посмеивался. Тот утирал кровавый нос и смотрел на меня непонимающими, даже жалкими глазами, но жалости я не ощутил...

Придя домой, я испытал резкий упадок сил. Увидев на кровати Библию, которую положила мать, я сначала разозлился, но это продолжалось недолго, вскоре пришло опустошение, я лег на кровать и открыл священное писание. Прочитать удалось немного, сразу же стала болеть голова. Я отнес библию в комнату матери и снова взял магию. Мне не удалось отворотить себя, значит, удастся приворотить ее. Я знал самый сильный приворот, но для этого мне был необходим контакт с ней.

Я еще долго вертел трубку телефона в руках, прежде чем позвонить ей, но обратного пути не было. Я знал, если не решусь на это, меня ждет полное сумасшествие.

К телефону долго никто не подходил, наконец, я услышал тонкий и такой приятный моему уху голос.

– Я слушаю...

– Магда...

Слова опять стали путаться, я стал быстро соображать,

нельзя было, чтобы она кинула трубку.

– Я твой сводный брат помнишь, позавчера я был у вас?

Мне не пришлось долго объяснять, она была так приветлива ко мне, разумеется, для этого я прочитал не одно заклинание, но оно того стоило. Она согласилась встретиться со мной в следующую субботу. Я все думал, как бы мне не сойти с ума дожидаясь этого дня.

Не нужно объяснять, сколько черных свечей я сжег, сколько заклинаний прочитал, какой энергетикой зарядил свою комнату для встречи с ней. Маг позвонила перед выходом и я, краснея, с безумно стучащим сердцем принялся считать секунды. Я, представляя, как она выходит из подъезда, как заходит за дом, потом идет по узкой аллее, пытался настроиться на нее, наладить контакт еще до встречи. Мои старания увенчались успехом, я стал слышать биение ее сердца, чувствовать ее дыхание. Наконец, услышав тихий стук в дверь, я полетел открывать. На пороге стояла Маг в приталенном черном платье, ее окутывал легкий аромат каких-то духов, его я запомнил на всю жизнь.

– Проходи.

Я распахнул дверь шире.

– Спасибо.

Она быстро сняла туфли и прошла в мою комнату. Зайдя, она не сразу села на диван, сначала принялась оглядываться.

– Ты занимаешься магией?

Мое сердце забилося, откуда она могла такое знать, если

сама не занималась?

– Ты видно тоже?

Ответил я вопросом на вопрос.

– Ну, мне положено. Мое имя Маг, – хитро прищурилась она.

Я кивнул, как будто это все объясняло, на самом деле это был нервный кивок, если она занималась магией, то наверняка раскусит меня, думал я. Но рискнуть все же стоило.

– Присядь.

Я указал на кресло, а сам пошел на кухню, все было готово. Я приготовил чай, как было написано, теперь оставалось заставить ее выпить его.

– Чай будешь? – крикнул я с кухни.

– Пожалуй, кофе, – отозвалась она.

Я встал как вкопанный, такого я предвидеть не мог. Во мне стал вскипать гнев, нет, не на нее, а на обстоятельства. Я вылил чай в раковину и приготовил обычный кофе.

Она уже непринужденно расположилась на диване, поджав под себя ноги.

Я протянул ей чашку с дымящимся напитком, руки мои по понятным причинам тряслись. Она осторожно взяла горячий кофе и принялась отхлебывать его маленькими глотками.

– Так о чем ты хотел поговорить?

Вопрос повис в воздухе. Я просто смотрел на нее, а в голове не было, как назло ни одной мысли.

– Извини, я не люблю чай.

Я вздрогнул от ее слов.

– Ничего страшного, мне было не сложно приготовить кофе.

– Да, но чай-то был уже готов, не так ли? Он дожидался моего прихода, ты только долил кипятка.

До моего сознания стала доходить дикая мысль, она меня раскусила, она ясновидящая. Однако я решил блефовать до конца. Округлив глаза, я покачал головой.

– Это не так.

Моя темная личность стала вырываться наружу, но я не мог пока показать ей мою другую половину.

– Ты лжешь мне, – спокойно произнесла она.

– Да, я лгу.

– Подойди ближе.

Я на ватных ногах подошел к ней и сел рядом. Маг придвинулась ко мне и обняла. Я обомлел, по телу разлилось приятное тепло, я обнял ее, мои пальцы обхватили ее худые плечи. Мне показалось, что мы сидели так вечность. Она наклонилась к моему уху и прошептала.

– Мы станем друзьями. Но никогда не думай так поступать со мной.

– Да, да...

Моя голова сама собой бешено закивала, потом я почувствовал, что по щекам текут слезы, подумать только, сам не заметил, как заплакал от великой радости облегчения. Здесь

я понял истину, Маг предостерегла меня от большой глупости, я стал мысленно благодарить ее.

– Никогда себе такого не позволю, – прошептал я, – только всегда будь со мной!

И вот однажды, повторяюсь, это был как раз ее пятый визит ко мне, мы сидели на полу, я раскладывал для нее карты Таро. Она, как всегда молча крутила свой локон и отстранено смотрела куда-то поверх меня. Скажу честно, это была самая идеальная обстановка для моего внутреннего спокойствия. Мы стали общаться, но я бы не сказал, что улучшилось мое состояние, когда я был без нее. Мне это было категорически противопоказано. Я жил только теми часами и минутами, когда она была рядом. Меня уже не так заботило, что она моя сестра, я готов был до конца жизни не предпринимать никаких попыток, лишь бы иметь возможность просто находиться рядом с ней. И вот именно тогда, когда я стал ей объяснять значение расклада, она ни с того ни с сего произнесла.

– А ты не пробовал нарисовать свои карты Таро?

Я был поражен ее способностью иногда говорить и делать все невпопад, решив про себя, что нужно поучиться этому у нее.

– Я стал писать роман.

Ее глаза блеснули.

– И когда ты его начал писать?

– Когда увидел тебя.

– О чем он?

Я не обманывал, со дня нашего знакомства я действительно стал писать. Это была моя вторая жизнь. Я творил вторую матрицу, потому что иначе сошел бы с ума. Начиналось все так. Я представлял ее и себя в разных ситуациях, потом выносил все на бумагу. Разумеется, все ситуации были такими, какими мне хотелось их представлять. Вначале было слово, так сказано в Библии, потому я проговаривал все написанное. А далее рассмотрим, из чего состоит жизнь? Она состоит из настоящего, прошлого и будущего. Можно вспомнить, например, что вчера ты был в булочной и как беседовал со знакомым так отчетливо, потому что ты прожил это, прошлое такая же жизнь, как и будущее. А вот творение своей матрицы было делом более тяжелым, нужны большие силы, чтобы превращать в свое прошлое никогда не имевшие места быть в реальной жизни события. Создав же прошлое, можно быть уверенным, что появится и будущее.

– Он вроде моей биографии.

– Интересно...

Я думал, что она попросит меня дать почитать мою писанину, но она надолго замолчала, а когда заговорила снова, то вернулась к своему вопросу.

– Так почему ты не хочешь нарисовать собственную колоду Таро? Был бы не хуже Кроули.

– Я и так не хуже него.

Это не было сою моей гордыни, я действительно считал, что ничем не уступаю Кроули, наоборот, я добился больших высот в магии, чем он. Она смотрела на меня, улыбаясь.

— Я знаю про твои опыты в некромагии. Тоже пыталась создать гомункула.

— Я создавал не только гомункула...

И я поведал ей одну историю, которая приключилась со мной год назад.

Моя тетя, работница в морге, часто приглашала меня скоротать ее невеселый обед, да и развлечь меня. Моя тетя обожала темный юмор, она могла смеяться над неестественными позами покойников и не считала это за грех. Одна из немногих она могла есть, глядя на посиневших утопленников. В тот день, когда я, как и обычно пришел на обед к своей тетушке, на полу лежал утопленник. Да, как ни прискорбно, но наши морги очень отличаются от американских. Посмотришь, у них там все по полочкам разложены и пронумерованы, чистенькие и аккуратненькие. А тут на проходе лежит мертвое, надутое, почти синее тело, все в песке и водорослях. Оно конечно не со вчерашнего дня там лежало, его только что привезли, но зрелище не для слабонервных. Тетя быстро закрыла за мной дверь, чтобы мрачное зрелище никому не стало доступным. Она зашла в свою комнатку на обед, а я стал хищно кружить вокруг покойника. Сначала я оглядел его, прочувствовал его тепло, оно было почти угаса-

ющим, но его душа не покинула тело. Он находился в мертвой коме.

Я достал своего собирателя душ и быстро прочитал заклинание. Тело дернулось, понимаю, ему было несладко. Теперь у меня в копилке было ровно три души утопленников, одна душа повешенного и две души зарезанных. Можно было не верить мне. Но поздно ночью позвонила моя тетя и рассказала страшную историю. Сторож проходила рядом с моргом, ей слышались шорохи. Она подошла к двери, и услышала тихие пошкрябывания. Нужно понимать она очень испугалась и обошла с другой стороны морга, попытавшись заглянуть в окно. Но этого сделать она не успела, в окно уже смотрели. Сторож клялась, что смотрел именно тот утопленник, которого привезли вчера днем. Рюмочка на ночь, для этой женщины была обычным делом, потому ей никто не поверил. Я, слушая рассказ тети, только довольно улыбался, ведь я буквально только что закончил обряд воскрешения.

Магдалена внимательно слушала меня, пожалуй, с таким интересом она не слушала никого в жизни. Я почувствовал, что получил подобие какой-то власти над ней. Тогда я не думал, что однажды, совсем, как сейчас, буду близок к тому, чтобы применить свою темную силу к ней.

– Я тебе верю.

– Еще бы, не поверила бы, ощутила бы на себе.

Естественно я сказал это в шутку, думаю, она и сама догадалась. В ее обществе я становился безумным, становил-

ся собой! Но в тот момент ее охватила неконтролируемая злость. Она встала.

– Мне нужно домой.

– Ну, перестань, мы же так хорошо сидели.

Сперва я даже не поверил, что она говорит правду, сидел и улыбался, глядя на нее. Но время безжалостно отсчитывало секунды, а она и не думала садиться. Ее взгляд становился все мрачнее.

– Вижу, ты не думаешь меня провожать.

Она быстро вышла в прихожую, обула туфли и открыла дверь, я поймал ее уже на лестничной площадке.

– Не уходи от меня так.

Меня стала разбирать невидимая истерика.

– Ты погрузишь меня в ад!

Она холодно пожала плечами и ушла. Просто вызвала чертов лифт и уехала на нем. Я стоял в полумраке подъезда и тихо стонал, чувствуя, как один из приступов подкатывает ко мне. Голова стала гудеть, будто превратилась в крышу часовни в обедню, когда десятки звуков колоколов сливаются под ней воедино.

Я звонил ей четыре раза, всякий раз боясь нарваться на своего отца. Сначала, я думал сказать ей что-нибудь злое, чтобы она перестала со мной общаться, и я окончательно спятил, потом я хотел заставить ее общаться со мной угрозами, наконец, я решил умолять ее. Но трубку никто не брал. Я не имел возможности высказать ей ни одного чувства из того

сонма, что давил на меня. Потом произошел случай с моим учителем. Понимаю, что стал очень жестоким, но меня тогда уже перестали волновать вопросы морали. Представьте, что вы под землей, в гробу и через пол часа вы уже используете весь кислород, костлявая рука смерти обнимет вас, словно давняя любовь, ждавшая своего часа. Станете ли вы думать, что перед несчастьем забыли выключить газ на кухне и возможно, целый дом взорвется, благодаря вашим стараниям? Возможно и да, если там будет тот, кто вам дорог, но если вы потеряли всякий интерес ко всему живому, вы вряд ли будете сильно огорчены по этому поводу. Так же было и со мной, чужая боль для меня будто бы оправдывала мои страдания. Немного просидев после ее ухода, я вышел на улицу, уже смеркалось...

Я люблю темное время суток, люблю вечер и ночь, люблю луну. Сев на лавочку возле подъезда, я принялся изучать прохожих, они для меня ничем не отличались от мертвецов. Прошел мужчина, одетый в коричневый костюм, возможно дорогой, а может быть купленный на Олимпе, навстречу ему, почти задевая, прошел пьяница. Мужчина изобразил на лице презрительную гримасу. Понятно, что завтра они могут поменяться ролями, ну не завтра, так послезавтра, каков был смысл их жизней? Где красота, возвышенность, эти и детей своих воспитают так же. В мире творится множество бессмысленных вещей, например папа одного знакомого удалил из купленной электронной библиотеки все книги с сексу-

альной подоплекой, зато оставил русско-английский словарь матерных выражений. Есть ли логика у этих людей? Следом прошла молодая пара с малышом в коляске, у этих видно вся жизнь была расписана по минутам, когда поступить в институт, когда расписаться, когда заделать маленького, хотя возможно, что жизнь их была не так продумана, и теперь они влачат ненавистный им крест. Какова бы не была правда – она ужасна. Я услышал тихое мяуканье прямо в ногах, наклонился и поднял маленького пушистого котенка. Он устроился у меня на ладони и принялся вычищать коготки, отчего создавалось впечатление, что он лижет свою ладонь, забавно. Я немного посидел с ним. Затем выпустил его в ночь, я встречал этого котенка и после несколько раз, прозвал его Тифоном, позже, я увидел его маленькое растерзанное тельце, возле мусорного бака. Немного побродив возле дома, я уже было решил идти домой и предаваться ночному сумасшествию, как увидел его. Ни на кого из своих знакомых я не обратил бы большего внимания. Это был мой учитель по информатике. Он всегда мне казался странным, брюки его словно в советские времена были выглажены со стрелками, на шее всегда красовался галстук, вот галстук мог быть не глаженный, даже с пятнами, но он присутствовал, как непременный атрибут нашего гения информатики. Чем он занимался кроме занятий информатикой, мы не имели ни какого понятия. Казалось, что он даже питался информатикой и спал с ней. Всегда строгий к нам, за малейшую провинность

мог выгнать из класса, был ли он другим у себя дома? Был ли у него предмет обожания? Примерно в этой точке моих рассуждений он был уже в десятках метров от меня, какой-то порыв толкнул меня следовать за ним. Я чувствовал себя настоящим детективом, когда он оглядывался или останавливался, и мне приходилось прятаться за деревом или углом дома. Вскоре он пришел в свой пункт назначения, я сел на лавочке возле того самого дома, в который он вошел и принялся ждать. Он мог оттуда и не выйти, но что-то подсказывало мне, что он там ненадолго, к тому, по вполне понятным причинам я не слишком торопился домой. Я просидел минут двадцать и труды мои увенчались успехом, дверь подъезда распахнулась, и мелькнул такой знакомый серый пиджак. Но, Господь, кто шел следом! Молодая, лет 30-35, женщина, она была невысокого роста и обладала замечательными рыжими выющимися волосами. По выходу, они сразу же направились в сторону торгового центра, я последовал за ними, на сей раз, я шел не скрываясь, во-первых – в потемках нельзя было разглядеть лица, во-вторых – по наступлению сумерек я становлюсь смелым и опасным. Когда мы стали подходить к кинотеатру, я уже догадался, что они собирались посмотреть какой-то фильм. Дождавшись снаружи пока они купят билеты, я нырнул вглубь помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.